

Митрополит Иларион: Православной Церкви всегда был присущ здоровый консерватизм

30 марта 2013 года гостем программы «Церковь и мир» на телеканале «Россия 24», которую ведет председатель ОБЦС митрополит Волоколамский Иларион, стал философ, политолог и социолог Александр Дугин.

Митрополит Иларион: Здравствуйтесь, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим о старообрядчестве, единоверии, о традиционализме и консерватизме в Церкви. У меня в гостях философ, политолог и социолог Александр Дугин.

А. Дугин: Здравствуйтесь! Сегодня во многих религиях, а также во многих слоях общества растут консервативные, традиционалистские настроения. Люди не просто хотят вернуться к религии, к вере, но стараются найти изначальные корни, восстановить, по возможности, традицию во всей ее полноте. Эта тенденция присутствует и в нашей Русской Православной Церкви, хотя, может быть, не так ярко, как в исламе, где фундаментализм вообще – явление глобальное. В свете этого мне кажется, что было бы очень важно обратиться к истории древнерусской Церкви, к событиям раскола, и событиям, ему предшествовавшим, то есть к состоянию древнего русского Православия, на которое сегодня во многом ориентируется консервативное крыло православных верующих. Тема раскола: как относиться к нему самому и к дораскольному периоду истории Русской Православной Церкви – мне представляется чрезвычайно важной.

Митрополит Иларион: Прежде всего, я хотел бы отделить консерватизм и традиционализм от фундаментализма и радикализма. То, что мы наблюдаем сейчас на исламской почве, – это рост фундаменталистских настроений, которые приводят, по сути дела, к извращению ислама и прямому насилию над христианами, над представителями других религиозных конфессий. Такой радикализм категорически неприемлем ни для христиан, ни для традиционных мусульман.

Когда мы говорим о традиционализме и консерватизме в Церкви – это совсем другая тема. Вообще, Православной Церкви всегда был присущ здоровый консерватизм, который в разные времена приобретал различные формы. Раскол – это трагедия Русской Церкви, которая была обусловлена многими факторами. Хочу отметить, что она произошла в тот момент, когда на Русь начали проникать иностранные влияния, – и западные, и греческие. Патриарх Никон увлекся Грецией и решил провести книжную справу по греческим образцам. Это сначала очень насторожило, а потом и отторгло от Церкви значительную часть ее, как Вы говорите, консервативного крыла.

Мне кажется, что сама по себе эта трагедия не ставит под вопрос наличие и необходимость консерватизма в Церкви, потому что Православная Церковь – традиционная, она бережно сохраняет то, что было накоплено веками. Мы никогда не должны спешить ни с какими литургическими реформами. Ведь богослужение – это то, что мы сохранили, несмотря на множество иноземных влияний, то, что мы пронесли через века. Любое прикосновение к богослужению очень болезненно воспринимается церковным народом. И поэтому мы, например, продолжаем служить по-церковнославянски, хотя многие говорят, что этот язык сейчас непонятен.

А. Дугин: Мне представляется, что церковнославянский язык – это не прошлое, а будущее. Этот язык, который был в значительной степени создан искусственно, скалькирован с греческого, принес нам, славянам, огромное богатство богословского, философского наследия. Мне представляется, что нам еще предстоит его понять. Сам язык, сама его структура, его формулы – это то, что нам следует изучать.

Что касается старообрядчества, то это очень принципиальный вопрос: мы видим, что в эпоху раскола консервативная часть Русской Православной Церкви отказалась принимать новины, то есть модернизацию. В какой мере это был спор, предшествовавший спору славянофилов и западников, консерваторов и прогрессистов последующих эпох? Сейчас в нашей Церкви существует единоверие, которое предлагает не противопоставлять друг другу старый и новый обряд, а объединить их в рамках старой, дораскольной традиции, не делая столь жестких экклезиологических выводов, как это сделали старообрядцы. На мой взгляд, это очень перспективное направление.

Митрополит Иларион: Мне кажется, что сегодня единоверие – это единственный путь интеграции старого обряда в жизнь Православной Церкви, потому что, к сожалению, раскол стал причиной очень глубокого антагонизма между старообрядцами и теми, кого называют новообрядцами. Впрочем, я бы ни в коей мере не стал ассоциировать нашу Церковь с новыми обрядами; наши обряды – как раз древние. Я бы говорил, скорее, о двух разновидностях старого обряда и, конечно, о тех западных влияниях, которые пришли в нашу Церковь и существенно повлияли на ее литургический строй.

Если говорить о древней иконе, о традиции иконописания, то она у нас сохраняется. И мы сохранили ее не хуже, чем старообрядцы, хотя наряду с иконами у нас, в силу исторических обстоятельств, в некоторых храмах есть и академическая живопись. Но характерно, что когда в 90-е годы началось церковное возрождение, то в основном в храмах стала появляться не академическая живопись, а традиционная икона.

Что у нас практически полностью было утрачено, так это древнерусское знаменное пение. Оно постепенно было вытеснено пением по западным образцам, так называемым партесным, четырехголосным. Этот процесс был долгим – он шел на протяжении всего XIX века. Сейчас редко где в Православной Церкви, кроме как раз единоверческих приходов, можно услышать знаменное пение.

Очень важно, что феномен единоверия существует уже более двухсот лет и что Православная Церковь на разных этапах своей истории признавала равнозначность и равноспасительность и старого, дониконовского, обряда, и обряда более позднего. Это было сделано еще при митрополите Московском Платоне (Левшине) в 1800 году, затем – во времена митрополита Сергия (Страгородского) в 1928-1929 годах. Наконец, в 1971 году Поместный Собор принял деяние, которое отменяло клятвы на старые обряды и провозглашало, что старый и новый обряд равноспасительны. Все это открыло старообрядцам путь к возвращению в Церковь. И как раз единоверие, к которому, насколько я знаю, Вы принадлежите, является таким путем.

А. Дугин: Вы затронули очень важную тему. Многие богословы и историки Церкви рассматривают изменения в иконописи, когда на священных изображениях появилась тень, изменения в церковном пении, когда появилось многоголосие и партесное пение, как своего рода модернизацию, как некое влияние Запада – и в эстетическом, и, если угодно, в богословском плане. Древняя икона, написанная без теней и по особым законам перспективы, предполагает обращение к духовному миру. Унисонное пение, сохранившееся в единоверии и в старообрядчестве, по-своему означает то же самое, что и отсутствие тени в иконе. Это концентрация всех, кто поет и кто слушает, на одной и той же духовной мелодии. Мне представляется, что один из путей к традиции – не к старообрядческой, а к общей для этих двух ветвей московской традиции – приводят нас к сакральному измерению литургической практики. Осторожное, аккуратное единоверческое движение не заявляет о своей наступательной стратегии. Но единоверческие храмы полны, потому что люди хотят прийти к глубинам, к традиции и обнаруживают здесь то, что без конфликтов, без критики, без фундаментализма и экстремизма возвращает нас к корням нашей веры.

Митрополит Иларион: Да, многое вернулось в Церковь, а многое и вовсе не исчезало. Например, традиционная икона к концу XIX века была почти повсеместно в Русской Церкви вытеснена академической живописью, но все-таки тонкое присутствие традиционного иконописания сохранялось. Потом наши великие художники – Васнецов, Нестеров – пытались уже по-своему, через элементы фольклора, сказочности вернуться к древней иконе. А когда в начале XX века Евгений Николаевич Трубецкой написал свои знаменитые «Три очерка о русской иконе», началось самое настоящее движение за возврат к традиционному иконописанию. В советское время это движение практически прервалось, но в 90-е годы оно возродилось, и сейчас в

большинстве наших храмов мы видим абсолютные традиционные иконы, написанные по древним образцам.

Что касается знаменного пения, то и оно в какой-то степени возвращается. Мы все чаще и чаще слышим знаменные песнопения, хотя часто они бывают вкраплены в службу, исполняемую хором на четыре голоса. Возвращение в некоторых монастырях и храмах к знаменному пению сыграло очень важную роль, ведь это не просто стиль пения – это совершенно другое восприятие музыки: не как элемента, призванного украсить богослужение, а как неотъемлемой части молитвенного опыта.

Знаменное пение, как Вы знаете, записывалось не нотами, а крюками. Каждый крюк содержит в себе не один, а несколько звуков, которые составляют некую мелодическую интонацию, мелодическую формулу. Эта формула отражает некое молитвенное состояние, то есть знаменное пение – это проекция молитвы на нотную грамоту. Подобному тому, как мозаика составляется из готовых камней, знаменное пение составлялось из попевок, а каждая попевка – это маленькая молитва, которая запечатлена в крюках. Все это создает удивительный синтез музыки, молитвы и слова, потому что в знаменном пении слово, то есть собственно литургический текст, имеет первостепенное значение. Партесное пение может быть красивым, умильным, но оно не может научить человека молитве. А знаменное пение может стать настоящим учителем молитвы, и в этом смысле оно имеет непреходящую ценность.

Возвращение к нам старого обряда – большое событие в жизни Русской Церкви. Недавно впервые за 350 лет в Успенском соборе Кремля была совершена Литургия по старому обряду. Это свидетельствует о том, что интерес к старому обряду растет в нашей Церкви.

А. Дугин: Я участвовал в богослужении, о котором Вы только что сказали, – в меру своих скромных сил я занимаюсь церковным пением.

Хотел бы отметить еще несколько важных аспектов, связанных со старым обрядом, – во-первых, трехпогружательное крещение, которое тоже никогда не отменялось и практиковалось на протяжении многих столетий. Для удобства у нас, по примеру Запада, практиковали и другие формы крещения – окропительное и обливательное. Тот факт, что в последнее время Русская Православная Церковь настоятельно рекомендует священникам осуществлять полный чин крещения, стараться даже взрослых крестить погружением, тоже свидетельствует о возврате к традиции.

Есть еще один элемент богослужения, к сожалению, ныне утраченный. Это так называемый «приходный начал» – определенная последовательность поклонов, которая очень

дисциплинирует. Если строго соблюдать старый устав, то и крестное знамение, и поясные, и земные поклоны следует совершать только в определенные моменты молитвы. Иногда священник крестится, а паства – нет, а иногда наоборот: паства осеняет себя крестным знамением, а священник – нет. При этом каждый чувствует себя вовлеченным в богослужение, более внимательно следит за тем, что произносится. Эта старая русская практика, на мой взгляд, очень помогает верующему войти в полноту действия.

Митрополит Иларион: Меня лично в старообрядческом и единоверческом богослужении привлекают не столько кафтаны, сарафаны и платки с булавками, столько то, что литургия совершается именно как общее дело. Слово «литургия» в переводе с греческого - «общее дело». Но у нас часто ее воспринимают как некие действия, совершаемые священнослужителями в алтаре. А тем временем еще какая-то литургия совершается хором на клиросе. И часто эти два элемента бывают не связаны один с другим. Допустим, священник дочитал молитвы, а хор еще поет, и священник ждет, пока хор споет «свою» литургию. Что касается прихожан, то кто-то приходит позже, кто-то уходит раньше, кто-то крестится, кто-то не крестится – то есть, по сути дела, ощущения общего дела часто не возникает. Когда мы присутствуем на единоверческом богослужении, то видим, что люди вместе молятся, вместе совершают поклоны. Они приходят к началу и остаются до конца. Это, конечно, дисциплинирует. Это приучает людей ощущать себя подлинными участниками богослужения.

Хотел бы сказать и о том, что у нас сегодня потихоньку возрождается традиция общенародного пения. Ведь изначально никакого хора в церкви не было – был священник, диакон и народ, который отвечал молитвенными возгласами и пением, то есть пел весь народ. Сегодня такое пение сохраняется в некоторых местах. Например, в Закарпатье я слышал, как народ целиком пел Литургию. Такое пение вовлекает людей в Литургию именно как в общее дело. Когда люди поют вместе, они не поют на четыре голоса – они поют в унисон. И это унисонное пение – помимо того, что оно учит молитве – способствует тому, чтобы весь приход, вся община, собравшаяся на богослужение, «едиными усты и едином сердцем» восхваляла Бога.

Наконец, что касается крещения в три погружения, – оно не просто рекомендуется, оно введено в нашей Церкви как норма. Конечно, на практике еще бывают отступления от этой нормы. Но во всех соборных документах мы говорим, что крещение должно совершаться именно через погружение, а не чрез окропление или обливание.

В заключение нашей передачи я хотел бы выразить надежду, что старый обряд найдет в нашей Церкви свое законное и достойное место, что единоверие будет служить мостом между нашей Церковью и старообрядчеством. Мы никого не собираемся агитировать и, тем более, принуждать к вступлению в нашу Церковь, но мы радуемся, когда происходит сближение, когда увеличивается

взаимопонимание. Надеемся, что с Божией помощью и совместными усилиями раскол XVII века все-таки будет преодолен.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/52874/>